

СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ВОСПИТАННИКА ИСПРАВИТЕЛЬНОГО ЗАВЕДЕНИЯ ДЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРЕСТУПНИКОВ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

© 2017 О. В. Харсеева

*канд. юрид. наук, доцент,
доцент кафедры теории и истории государства и права
e-mail: harseeva.80@mail.ru*

Курский государственный университет

В данном исследовании определяются характерные черты воспитанника исправительного заведения для несовершеннолетних преступников в России конца имперского периода как особой социальной группы. Выявление особенностей контингента воспитанников позволяет дать более точную характеристику организации и содержания деятельности таких заведений, оценить ее эффективность, говорить о возможных причинах детской и подростковой преступности этого периода времени.

Ключевые слова: воспитательно-исправительное заведение, преступность, несовершеннолетний, социальный портрет, социально-исторический портрет.

Понятие «социальный портрет» все чаще используется современной наукой, когда речь идет о выявлении и детализации характерных черт определенной социальной группы, главных аспектов ее жизнедеятельности. Данное понятие в отечественном научном дискурсе стало широко использоваться в первую очередь в социологических исследованиях с 1970-х гг., когда было актуальным разрабатывать социологические портреты определенных социальных групп (например, социальный портрет советского рабочего). Данного рода исследования не потеряли актуальности и сейчас (социальный портрет россиянина, студенчества, современной молодежи и др.). Считаем, что в ходе исторических исследований полезно применять близкую к данному понятию дефиницию «социально-исторический портрет» в ее широком смысле, то есть описание человека или группы людей, включая внешнее сходство и духовный мир в конкретный исторический период, так как такой подход позволяет создать типичный образ представителя народа, сословия (см., напр., [Маслова 2012]) и в конечном счете сложить более полное представление об исторической эпохе.

Одной из важных особенностей социально-исторического портрета, помимо исторического контекста, является его коллективность, то есть коллективный характер. Экстраполяция индивидуального опыта на групповые характеристики не может являться социально-историческим портретом социальной группы из-за недооценки всех входящих в нее личностей. Поэтому в данном исследовании будут приведены максимально усредненные характеристики изучаемой нами социальной группы.

Следует также отметить, что социальный портрет, социально-исторический портрет не является научным методом, а представляет собой алгоритм для сбора материала. В зависимости от цели исследования и поставленных задач социальный портрет может включать разные критерии.

В первую очередь отметим, что установление характеристик социально-исторического портрета несовершеннолетнего, определенного в изучаемый период времени в воспитательно-исправительное заведение, чрезвычайно важно для объективной оценки организации и деятельности данных заведений, ее результатов. Отметим, что на период второй половины XIX – начала XX в. пришлось становление

пенитенциарной системы для несовершеннолетних. Основную роль в перевоспитании правонарушителей среди детей и подростков должны были выполнить специализированные воспитательно-исправительные заведения для несовершеннолетних преступников. Данные учреждения, создаваемые благотворительными обществами, земствами и органами городского самоуправления, должны были стать частью системы ювенальной юстиции, воссоздав передовой зарубежный опыт в деле исправления малолетних и несовершеннолетних преступников.

Стараясь выполнить социальный и государственный заказ по перевоспитанию несовершеннолетних, представители воспитательно-исправительных заведений стремились создать как можно более эффективную педагогическую систему, неоднократно становились участниками международных пенитенциарных конгрессов, проводили общероссийские съезды [Гольденвейзер 1911; Труды... 1912]. К 1917 г. по всей стране было создано 61 воспитательно-исправительное заведение для несовершеннолетних [Гернет 1922: 106]. Это количество было довольно внушительным, учитывая то обстоятельство, что они возникали и действовали на общественных началах (подробнее об этом см.: [Харсеева 2016]). Такая заинтересованность общественности в данного рода деятельности может объясняться рядом причин, среди которых важное место занимает процесс становления гражданского общества в России, ставший одним из результатов либерализации общественных отношений, но для контекста нашего исследования важно, что пореформенная эпоха также характеризовалась значительным ростом преступности, в том числе несовершеннолетних. Данная проблема, которую не получалось уже решать «старыми» средствами, стала частью общественного и научного дискурса (см., например, [Минц 1897; Кучинский 1897; Гогель 1894 и др.]). Сложившаяся на практике исправительная система специализированных учреждений стала не только результатом восприятия зарубежного опыта, но в значительной мере следствием серьезного анализа эффективности применяемых методов исходя из особенностей контингента воспитанников. Поэтому для изучения этого вопроса важно уделить серьезное внимание определению различных характеристик данной социальной группы, в конечном итоге созданию социально-исторического портрета воспитанника исправительного заведения для несовершеннолетних преступников.

Во-первых, отметим, что основанием поступления в воспитательно-исправительное заведение для несовершеннолетних преступников могли быть:

- 1) высочайшее повеление императора;
- 2) определение суда;
- 3) судебный приговор;
- 4) распоряжение административных властей, управления заведений;
- 5) ходатайство родителей или частных лиц.

В итоге воспитанниками могли стать малолетние и несовершеннолетние следующих категорий:

- 1) осужденные;
- 2) подследственные;
- 3) отданные родителями для исправления;
- 4) бесприютные [Закон от 4 июля 1866 г.; Закон от 8 февраля 1893 г.].

Данные, приведенные в Приложении к отчету Главного тюремного управления за 1905 г., дают следующее представление об основаниях поступления воспитанников в исправительное заведение:

- высочайшее повеление – 0%;
- определение суда – 12%;

- судебный приговор – 72%;
- распоряжение административных властей, управления заведений, ходатайство частных лиц – 7%;
- ходатайство родителей – 7%;
- оставленные по окончании срока при воспитательно-исправительном заведении – 1% (посчитано по: [Несовершеннолетние 1907: 18–19]).

Таким образом, подавляющее большинство воспитанников исправительных заведений составляли осужденные за совершение различных преступлений, содержание которых и было главным предназначением этих заведений; 12% составляли подследственные, подозреваемые в совершении преступления, – категория, в значительной мере связанная с первой; довольно существенным (в совокупности 14%) было количество несовершеннолетних, не совершавших преступлений, но отданных для «корректировки» поведения в так называемых «превентивных целях», 1% указывает на желание и возможность обеих сторон оставить для работы при исправительном заведении его бывших воспитанников.

Будучи осужденными, несовершеннолетние совершили следующие виды преступлений: кража – 93%, грабеж и разбой – 1%, поджог – 0,4%, преступления против нравственности – 0,7%, убийство и покушение на него – 3%, преступления против общественного порядка – 0,4%, оскорбление родителей – 0,4%, святотатство – 0,4%, иные преступления и проступки – 1% [Там же: 30–31]. Таким образом, большинство воспитанников исправительных заведений были осуждены за кражу.

Среди поступивших на исправление в 1905 году несовершеннолетних имели прежнюю судимость 83%, в том числе одну – 63%, две – 14%, более двух – 6% воспитанников [Там же]. Очевидно, что подавляющее большинство несовершеннолетних, размещенных в воспитательно-исправительных заведениях, имели прежнюю судимость, а меры, примененные для их исправления ранее, не имели успеха. Эти показатели являются практически постоянной величиной и подтверждаются статистикой иных лет. Так, по данным исправительных заведений для несовершеннолетних за 1908 г., 85,6% воспитанников, поступивших к ним, имели прежнюю судимость [Гогель 1911: 1171].

Воспитанники исправительных заведений имели следующее семейное положение: росли в полной семье (имели обоих родителей) – 43%, воспитывались матерями – 23%, воспитывались отцами – 12%, воспитывались отцом и мачехой – 4%, воспитывались матерью и отчимом – 2%, воспитывались отчимом и мачехой – 0,2%, воспитывались мачехой – 0,2%, были сиротами – 11%, были внебрачными детьми – 2,5%, об остальных данные отсутствовали (посчитано по: [Несовершеннолетние 1907: 20–21]). В результате можем отметить, что в полных семьях (с учетом в том числе неродных отца и матери) воспитывались 49% несовершеннолетних, в неполных семьях (один родитель) или были сиротами 48% несовершеннолетних, размещенных по разным причинам в исправительные заведения.

С точки зрения сословной принадлежности подавляющее большинство воспитанников были крестьянами – 61%, вторую по численности группу составляли мещане и цеховые – 32%, солдатские дети составляли 1,6% воспитанников, дворяне и чиновники – 0,7%, купцы и почетные граждане – 0,7%, прочие сословия составили 2%, сословная принадлежность 1% воспитанников не была определена [Там же]. Заметим, что, несмотря на крестьянское происхождение, городскими жителями были 59% несовершеннолетних и их родителей.

По роду занятий родители воспитанников исправительных заведений распределялись следующим образом: занимались земледелием – 23%, работали на фабриках и заводах – 8%, занимались ремеслом – 10%, были в услужении – 15%,

занимались промыслами и мелкой торговлей – 16%, занимали должности – 5%, жили собственными средствами – 4%, не имели определенных занятий – 5%, нищенствовали и бродяжесествовали – 3%, отбывали наказание – 0%, имели другие занятия (официальные данные не конкретизированы) – 3%, занятия остальных были неизвестны. Таким образом, большинство семей, в которых воспитывались несовершеннолетние воспитанники исправительных заведений, совершившие в большинстве своем преступление, имели постоянный доход, нищими и бродягами, а также не имевшими определенных занятий в 1905 г. были только 8% родителей.

Имеются официальные данные также о занятиях несовершеннолетних до их поступления в исправительные заведения. В относительных цифрах они были следующими: жили при родных – 38%, занимались ремеслом или торговлей – 12%, находились в услужении – 11%, занимались сельскими работами – 4%, работали на фабрике или заводе – 2%, находились в учебном или воспитательном заведении – 3%, не имели определенных занятий – 13%, нищенствовали и бродяжесествовали – 15% несовершеннолетних (посчитано по: [Несовершеннолетние 1907: 24–25]). Обратим внимание, что большинство воспитанников имели определенные занятия или жили при родных, однако доля нищих и бродяг, а также не имевших определенных занятий была также довольно велика – 28%.

Кроме того, среди воспитанников исправительных заведений 38% были неграмотными, умели читать или писать – 28%, умели читать и писать – 29%, имели свидетельства школы – 5%. Следовательно, подавляющее большинство из них были неграмотными или частично грамотными.

По вероисповеданию воспитанники исправительных заведений в подавляющем большинстве были православными – 80%; католиками были 12%, иудеями – 4%, лютеранами – 2%, старообрядцами и раскольниками – 1%, мусульманами – 0,4% воспитанников.

Поскольку контингент воспитанников исправительных заведений преимущественно состоял из осужденных, а также трудных подростков, их нравственные качества и поведение отличались определенной спецификой. В отчетах о деятельности данных заведений часто можно встретить личностные характеристики их воспитанников. Все они в значительной мере схожи между собой, поэтому в качестве портретного примера приведем одну из них: «В.В. 16 лет. Сын большесемейного крестьянина, ведущего большое хозяйство в Севском уезде, Орловской губернии; он пошел по нужде в наймы к купцу и ездил с ним по сельским ярмаркам, помогал продавать красные товары. Понятия о неприкосновенности чужой собственности не имел, а потому, вполне естественно, начал обворовывать своего хозяина, сначала понемногу, потом больше, пока не был замечен и уличен в краже денег и товара на сумму 65 руб., за что земским начальником и осужден в колонию. В. физически и умственно развит правильно. Поступив в колонию неграмотным, он усердно занимался в школе и теперь числится во 2 группе. В сапожной мастерской не делает больших успехов потому, что часто отлучается на садовые и полевые работы, которые любит и старательно их исполняет. Тих, неупрям, некоторое время был на хорошем счету. Постепенно выяснилось, что этот способный мальчик нравственно сильно испорчен, чем много способствовало его пребывание в тюрьме, когда находился под судом, откуда вынес много чисто тюремных взглядов и понятий. Очень хитрый, лживый, без признаков стыдливости, страдает страстью к курению. Скрытый характер особенно усложняет работу по его исправлению» [Отчет правления... 1908: 49–50]. Частыми были отметки о проявлении лени, небрежности, «дурном» отношении к товарищам, драках, непослушании и отказе от работы, грубости по отношению к служащим и др.

Указанные характеристики подтверждают также статистические данные. За время пребывания в исправительных заведениях в течение 1905 г. воспитанники совершили следующие проступки: курение – 12%, употребление спиртного – 0,6%, проступки против нравственности – 1%, непослушание – 7%, коллективное неповиновение – 0,1%, грубость по отношению к служащим – 14%, кража – 4%, обман – 5%, дурное отношение к товарищам – 5%, леность – 10%, приобретение недозволенных вещей – 1%, растрата доверенных вещей – 1%, запрещенные игры – 1%, драка – 5%, нарушение благословения – 3%, шалости – 14%, прочие проступки – 9% (посчитано по: [Несовершеннолетние 1907: 24–25]), побег – 7%. В результате большинство проступков, которые совершали воспитанники, составляли грубость по отношению к служащим, различные шалости, курение и леность.

В итоге не удивительно, что не все воспитанники до окончания назначенного срока оставались в исправительных заведениях: 2% из них в 1905 г. были удалены за дурное поведение, 2% были переданы суду или полиции, 11% бежали. Однако большинство из них благополучно выбывали из таких заведений: 50% выбыли по окончании срока и достижении 18 лет, 23% были освобождены досрочно, 8% были отданы на попечение родителей, 1% выбыли по причине приискания места работы [Там же: 38].

Возраст выбывших был следующим: 18 лет и более – 39%, 17/18 лет – 25%, 16/17 лет – 13%, 15/16 лет – 8%, 14/15 лет – 7%, 13/14 лет – 2%, 12/13 лет – 1%, 11/12 лет – 0,7%, 10/11 лет – 1%, до 10 лет – 0,6% [Там же: 38–39]. Сравним эти данные с возрастом воспитанников, находившихся в исправительных заведениях: до 9 лет – 0,3%, 9/10 лет – 0,4%, 10/11 лет – 1%, 11/12 лет – 2%, 12/13 лет – 5%, 13/14 лет – 9%, 14/15 лет – 15%, 15/16 лет – 19%, 16/17 лет – 23%, 17/18 лет – 18%, 18 и более лет – 3%, возраст не известен – 2% [посчитано по: Несовершеннолетние 1907: 18–19]. Согласно этим показателям можно заключить, что большинство воспитанников исправительных заведений и выпускников принадлежали к старшей возрастной группе. Этот вывод можно подтвердить также данными о сроке их пребывания в исправительном заведении, а именно: до 1 года – 16%, 1–2 года – 22%, 2–3 года – 24%, 3–4 года – 17%, 4–5 лет – 13%, 5–6 лет – 6%, 6–7 лет – 3%, 7–8 лет – 0,6% [Там же: 42–43].

Все приведенные нами показатели позволяют предложить следующую модель социально-исторического портрета воспитанника исправительного заведения для несовершеннолетних преступников в дореволюционной России: это лицо 15–17-летнего возраста, осужденное за кражу, имевшее прежнюю судимость, принадлежавшее к крестьянскому сословию, проживавшее в городе, родители которого имели постоянный доход, до направления в исправительное учреждение имевшее определенное занятие или жившее при родных, православного вероисповедания, грамотное или частично грамотное, курящее, отличавшееся такими качествами как хитрость, лживость, лень, небрежность, драчливость, неуважительность по отношению к старшим и своим товарищам.

Библиографический список

Гольденвейзер А.С. Вопросы о малолетних на международном пенитенциарном конгрессе в Вашингтоне. Киев, 1911. 34 с.

Гернет М.Н. Моральная статистика. М., 1922. 269 с.

Гогель С.К. Детская преступность в Санкт-Петербурге в 1910 г., по данным попечителей детского суда //Право. 1911. №20. С. 1167–1177.

Гогель С.К. О выводе детей из тюрем и помещении в особые приюты // Тюремный вестник. 1894. № 4.

Закон от 4 июля 1866 г. «О временных правилах касательно помещений для подвергаемых аресту по приговорам мировых судей» // ПСЗ-II. Т. 41. СПб., 1868. № 43458.

Закон от 8 февраля 1893 г. «Об изменении порядка заключения и пересылки несовершеннолетних, состоящих под следствием и судом» // Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1893. 1 полугодие. СПб., 1893. Ст. 368.

Кучинский И.А. К вопросу о нравственном исправлении преступников // Журнал Министерства юстиции. 1897. № 10.

Маслова И.И. Социально-исторический портрет православного духовенства (XX век) // Известия Пензенского государственного педагогического университета имени В.Г. Белинского. Гуманитарные науки. 2012. № 27. С. 821–826.

Миц П.М. Английская система принудительного воспитания // Журнал министерства юстиции. 1897. №. 5, 6.

Несовершеннолетние в возрасте от 10 до 17 лет. Приложение к отчету Главного тюремного управления 1905 года. СПб.: Тип. Санкт-Петербургской тюрьмы, 1907. 65 с.

Отчет правления Курского общества исправительной земледельческо-ремесленной колонии для несовершеннолетних за 1907 г. Курск: Тип. Курск. губ. земства, 1908. 80 с.

Труды VIII съезда представителей русских воспитательно-исправительных заведений для несовершеннолетних. СПб.: Тип. С.-Петерб. одиночной тюрьмы, 1912. 398 с.

Харсеева О.В. История создания и деятельности Курской исправительной земледельческо-ремесленной колонии для несовершеннолетних преступников мужского пола (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Ученые записки. Электронный журнал Курского государственного университета. 2016. № 2(38). <http://scientific-notes.ru/pdf/043-004.pdf> (дата обращения: 13.07.2017).